

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

*Н. В. СМОРОДИНСКАЯ,
Д. Д. КАТУКОВ*

Влияние глобальных стоимостных цепочек на национальные экономические системы и вызовы для российской экономической политики

Статья посвящена анализу характера участия России в глобальных стоимостных цепочках (ГСЦ) и оценке соответствия основных векторов российской экономической политики возникающим вызовам. Статья состоит из двух частей. В первой части проведен анализ характера участия российской экономики в ГСЦ. На его основе делается вывод о примитивности участия российской экономики в ГСЦ – через экспорт сырья и импорт инвестиционных товаров. Подчеркивается, что основным фактором, препятствующим встраиванию российских компаний в ГСЦ остается архаичная институциональная среда. Во второй части статьи показаны основные противоречия мер российской экономической политики, препятствующие улучшению профиля участия страны в ГСЦ. Отмечается, что российские власти отдают предпочтение формированию “своих” промышленно-ориентированных цепочек, замкнутых на национальную экономику.

Ключевые слова: глобальные стоимостные цепочки, распределенное производство, экономическая политика, Россия.

В предыдущей статье [Смородинская, Малыгин, Катукоев 2017] мы показали, что вовлеченность в глобальные цепочки – новый, современный способ участия стран в международном разделении труда и выхода на глобализированные экспортные рынки. Поэтому вопрос встраивания национальных игроков в такие цепочки становится важнейшим вызовом и для развитых, и для догоняющих экономик. Специфика этого вызова ставит под вопрос традиционные алгоритмы диверсификации и выхода на экспортные рынки. Применительно к России необходимо не только понимать степень и качество вовлеченности российской экономики в глобальные стоимостные цепочки (ГСЦ), но и проанализировать, насколько адекватны для этого вызова особенности, характерные для российской экономической политики.

Смородинская Наталья Владимовна – заведующая сектором международной конкурентоспособности и сетевых связей Института экономики РАН. Адрес: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32. E-mail: smorodinskaya@gmail.com

Катукоев Даниил Дмитриевич – аспирант Института экономики РАН. Адрес: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32. E-mail: dkatukov@gmail.com

Индекс участия стран в глобальных стоимостных цепочках (2011 г.)

	Россия	Развивающиеся страны	Развитые страны
Суммарный индекс	51,8	48,6	48,0
Внутренняя добавленная стоимость	38,1	23,1	24,2
Внешняя добавленная стоимость	13,7	25,5	23,8

Источник: [WTO 2016]

Профиль участия России в глобальных цепочках

Российская экономика отличается общей высокой степенью участия в ГСЦ, превосходящей среднемировой уровень (см. табл.). Однако качество этого участия, определяющее соответствующие выигрыши в доходах, оставляет желать лучшего. Величина расхода между индексами внутренней (38,1) и внешней (13,7) добавленной стоимости говорит о том, что профиль *включенности России в ГСЦ крайне разбалансирован* (см. рис.).

По данным на 2011 г., внутренняя добавленная стоимость, привносимая Россией в глобальные цепочки, больше чем на 80% формируется из экспортных поставок сырья и других промежуточных товаров. Эти поставки широко используются другими странами для производства продуктов с высокой степенью обработки. В то же время сама Россия крайне ограниченно использует импортные потоки для создания экспортных продуктов с высокой добавленной стоимостью [OECD, WTO 2015].

В том же 2011 г. *внешняя (импортированная) добавленная стоимость* составила в общем объеме российского экспорта лишь 13,7%, незначительно поднявшись с 2009 г. (12,7%), но так и не достигнув предкризисного уровня 2008 г. (13,9%). По данному показателю Россия занимает шестое место с конца в списке из 60 стран, охваченных базой данных ВТО-ОЭСР. Позади России находятся (в порядке убывания) Индонезия, Бразилия, Колумбия, Бруней и Саудовская Аравия.

Основные доли импорта промежуточных товаров и услуг в 2011 г. поглотили сектора по производству автотранспорта (37,7%), электрооборудования (31,1%) и иных транспортных средств (29,2%). Из общего объема этого импорта Россия использовала на создание экспортированных товаров лишь 33%, что ниже среднего уровня стран ОЭСР (39,9%). Продукция с наибольшей долей импортной составляющей была произведена

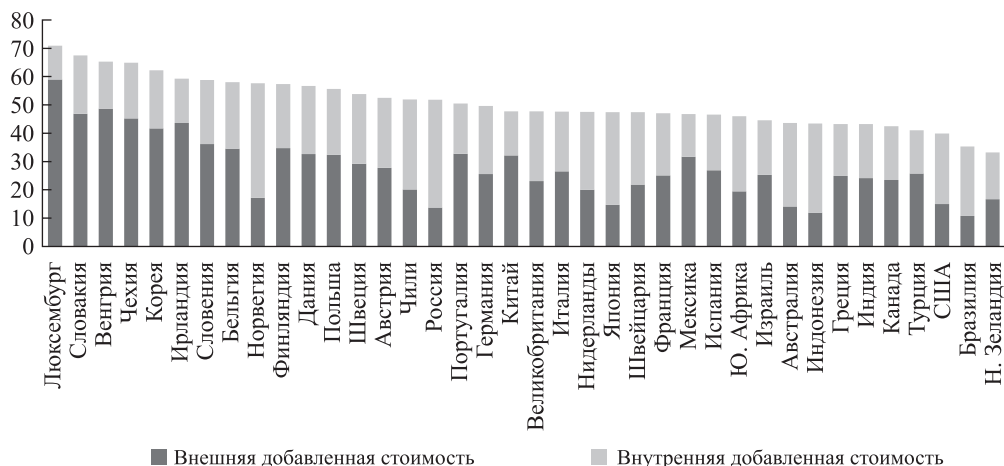

Рис. Индекс участия стран в глобальных стоимостных цепочках, 2011 г.

Источник: [OECD, WTO 2015].

в секторах цветной металлургии (54,8% внешней добавленной стоимости) и металлоконструкций (53,8%), а также в добывающих отраслях (51,5%).

Ситуация с *экспортом внутренней добавленной стоимости* в России зеркально противоположна по сравнению с импортом внешней: в 2011 г. страна находилась на третьем месте в мире по данному показателю, пропустив вперед (в порядке возрастания) Норвегию, Саудовскую Аравию и Бруней. Очевидно, что это лидерство обеспечено вывозом сырья, а не готовых изделий. Более того, доля промежуточной продукции в российском экспорте растет с ускорением: в период с 1995 по 2009 г. она выросла на 3 процентных пункта, а в период с 2009 по 2011 г. — уже на 6,6. При этом в структуре экспорта внутренней добавленной стоимости в 2011 г. ключевые позиции заняли добывающая промышленность (27,5% от всего объема), оптовая и розничная торговля (13,9%), а также нефтепереработка (12,9%) и цветная металлургия (12,7%). Эти данные свидетельствуют, что сегодняшний профиль участия России в ГСЦ сформирован преимущественно ее исторически сложившейся внешнеторговой специализацией, то есть преобладанием в экспорте минерального сырья, металлов, удобрений и продовольствия, а в импорте — химической и машиностроительной продукции [Оболенский 2016].

По сути, можно говорить о примитивности нынешнего *включения России в ГСЦ*. Оно происходит через экспорт сырья и импорт инвестиционного оборудования. Об этом косвенно говорит такой показатель, как *развитость стоимостных цепочек (value chain breadth)* — их отраслевой охват по стадиям добавления стоимости. По развитости цепочек Россия занимает в Глобальном индексе конкурентоспособности (GCI) лишь 96 место — рядом с Казахстаном (109-е место). Тогда как большинство развивающихся стран, стоящих как выше, так и ниже России в интегральном рейтинге конкурентоспособности, имеют по данному показателю более высокие позиции [WEF 2014].

Эконометрический анализ индикаторов GCI, проведенный Центром развития Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”, выявил, что *наибольшее влияние на развитие стоимостных цепочек в национальных экономиках оказывают три группы показателей*: институты и инфраструктура; эффективность товарных рынков; инновационный потенциал [НИУ ВШЭ 2014]. Причем, судя по рейтингам России в GCI-2013, среди этих показателей самый неблагоприятный для нее фактор — именно плохие институты, то есть правила игры на внутреннем рынке. Имея более высокий рейтинг макроэкономической политики относительно своего интегрального индекса, Россия отличается при этом низким качеством деловой (89-е место) и особенно институциональной (96-е место) среды, что объясняется крайней слабостью государственных институтов (107-е место) и игнорированием верховенства права (109-е место). Архаичная институциональная среда не позволяет стране воспользоваться ни хорошими позициями в сфере развития телекоммуникаций (37-е место) и всей инновационной инфраструктуры (52-е место), ни достигнутыми улучшениями в сфере производственной инфраструктуры (60-е место) и человеческого капитала (66-е место). Индикаторы профиля фиксируют отсутствие благоприятных условий для создания инноваций и формирования “умных” бизнес-стратегий (112-е место).

В последнее время распространилось мнение, что выходу России на мировые промышленные рынки препятствуют западные санкции. Но на самом деле главная помеха — государственный монополизм и фрагментированность внутренней среды. По данным обследования НИУ ВШЭ и Всемирного банка [Российская... 2007], разрыв в уровне производительности труда между 20% лучших и 20% худших предприятий *в одной отрасли* составляет от 10 до 20 раз, причем лучшие 20% работают в 2,5–3 раза эффективнее, чем отрасль в среднем. При этом естественные межотраслевые разрывы в уровне эффективности оказались менее существенными, чем различия внутри отраслей, что говорит об отсутствии в экономике нормального механизма перелива капиталов. В такой ситуации бизнес не может инициировать реальные кластерные проекты, которые могли бы стать узлами ГСЦ.

Вызовы распространения глобальных цепочек для национальной экономической повестки. Выводы для России

Вместо попыток улучшить профиль участия России в сложившихся ГСЦ, российские власти отдают предпочтение формированию “своих” промышленных цепочек, замкнутых на национальную экономику. В Федеральном законе о промышленной политике от 31 декабря 2014 г. (ФЗ-№ 488) и ряде других стратегических документов, принятых Россией в последние годы, прослеживается ставка на *создание завершённых стоимостных цепочек в определенных промышленных секторах*. Концентрация полного производственного цикла на национальной территории рассматривается в этих документах как перспективный механизм замещения импорта и диверсификации производства. Например, как следует из кластерной программы, запущенной Минпромторгом в 2015 г. (см. Постановление Правительства РФ от 31.07.2015 № 779; Постановление Правительства РФ от 28 января 2016 № 41), промышленные кластеры призваны создать замкнутую производственную цепочку в одной или нескольких отраслях (с включением в нее малых фирм) и сконцентрировать деятельность участников на импортозамещении, компенсируя сжатие технологического импорта и эффекты действия западных санкций, в том числе в сфере оборонно-промышленного комплекса (ОПК).

Аналогичная ставка на создание собственных завершённых цепочек содержится и в планах Евразийской экономической комиссии применительно к территории ЕАЭС. Статья 92 “Промышленная политика и сотрудничество” Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. среди прочих мер предполагает стимулирование взаимовыгодной промышленной кооперации и создание совместных промышленных кластеров. Причем понятие промышленных кластеров трактуется максимально широко (как группа взаимосвязанных промышленных предприятий и связанных с ними организаций) и без учета территориальных, организационных и иных факторов, то есть фактически как внутриинтеграционная стоимостная цепочка. Таким образом, на данный момент в ЕАЭС превалирует приоритет создания региональных, внутриинтеграционных цепочек. Намерения дальнейшего, предположительно совместного, встраивания в ГСЦ упоминаются лишь в той части документа, которая касается международного сотрудничества ЕАЭС с внешними партнерами, и подробно не раскрываются (см. Решение Евразийского межправительственного совета от 8 сентября 2015, № 9).

По своему определению современные стоимостные цепочки – это экспортно-ориентированные проекты. Совместить их создание с политикой импортозамещения невозможно: импортная и экспортная политика страны неразрывно связаны. В рамках цепочки любой протекционистский тариф на импорт промежуточных товаров становится налогом на собственный экспорт, что усложняет, а не облегчает задачу выхода страны на мировые промышленные рынки [Cheng, Rehman, Seneviratne, Zhang 2015].

Приходится констатировать, что вместо создания конкурентной и партнерской деловой среды для побуждения национальных компаний к участию в ГСЦ в России вводится искусственная защита отдельных производств от глобальной и внутренней конкуренции. При этом поддержка приоритетных импортозамещающих проектов вновь ведется на тех же селективных принципах, которые до сих пор безуспешно применялись в России в попытке поднять инновационную активность [Симачев, Кузык, Кузнецов, Погребняк 2014].

Что из этого следует для России, ее внешнеэкономического курса и лежащей в его основе промышленной политики? Вот несколько ключевых и дополняющих друг друга выводов общего характера.

Первое. Решающее значение для конкурентного укрепления национальной экономики приобретает ее *растущая внешняя открытость*, в том числе готовность наращивать сотрудничество с мировыми технологическими лидерами, чьи компании работают на глобальных рынках и формируют глобальные цепочки. Малые догоняющие экономики, сумевшие интегрировать свои компании в кластерные узлы глобальных цепочек (пусть

даже на низких стадиях переработки), перестают быть мировой периферией, ибо начинают развиваться в рамках совместных сетевых проектов с международным бизнесом. И наоборот: даже крупные страны, подобные России, неизбежно начнут деградировать при выпадении из глобальных потоков создания стоимости – будь то в силу изоляции от мировых лидеров или просто большей экономической закрытости, порождаемой торговым протекционизмом. Эта дилемма ставит под вопрос нынешнюю ставку России на собственные силы, собственные технологические достижения, “собственные” производственные цепочки и “собственные” инновационные сектора, закрытые от импортной конкуренции.

Второе. Когда объединенные в кластеры фирмы, в частности малые и средние, становятся участниками глобальных цепочек, они подключаются к глобальным потокам ресурсов и инноваций, получая постоянный доступ к новым знаниям и технологиям. Это позволяет им легко подниматься вверх по звеньям цепочки, переходя к созданию товаров и услуг с большей добавленной стоимостью. Так возникает *современный алгоритм обновления производственной структуры и выхода страны на новые экспортные рынки*, включая технологические рынки будущего (на которые нацеливается Россия). Создавая среду для свободного образования в экономике открытых кластерных сетей, страна может быстро нарастить экспорт промежуточных изделий, а затем, постепенно модернизируя производство в ходе участия в ГСЦ, двигаться к экспорту более сложной и конкурентоспособной продукции конечного спроса.

Модель улучшения производственной структуры экономики методом снизу, через подключение национальных компаний к различным ГСЦ, не имеет позитивных альтернатив и в плане освоения индустрий нового поколения (*advanced manufacturing*). В отличие от индустриальной эпохи, она не ведет к поглощению национального бизнеса мощными ТНК и МНК, а связана с его вовлечением в глобальные проекты распределенных глобальных фирм в качестве независимых поставщиков.

Третье. Улучшение профиля участия в ГСЦ принципиально важно для развития российской экономики, будь то гражданские отрасли или сектор высокотехнологичного ОПК. Однако эту перспективу никак не приблизят ни возможное снятие западных санкций, ни крупномасштабные инвестиционные проекты, финансируемые государством, ни иерархичные корпорации-гиганты, скупающие активы и технологии у своих потенциальных конкурентов. Дело не только в растущей монополизации и огосударствлении экономики при сложившемся стиле взаимодействия властей с бизнесом. Сама *ставка России на масштабность и централизацию, простирающаяся из линейной логики индустриальной эпохи, вступает в непримиримый конфликт с нелинейной организационной культурой эпохи интернет-технологий.*

Современный мир распределенного производства, кластерных проектов и глобальных цепочек – это мир преимущественно малых организационных форм, горизонтальных коммуникаций, повышенной мобильности множества независимых партнеров, вступающих в сетевую кооперацию [Сморodinская 2015]. Игнорировать это обстоятельство, сохраняя организационную архаику внутренней экономической среды, – значит на самом деле закрыть перспективу диверсификации производства и экспорта, освоения технологий нового поколения, выхода на экономическую устойчивость. Во избежание конкурентного отставания большинство стран нацелились на длительные структурные реформы, направленные на социализацию (как минимум, децентрализацию) управления, разукрупнение иерархий (в том числе через приватизацию), расширение экономических свобод территорий и бизнеса, повышение горизонтальной связности среды. Начиная с 2000-х и особенно 2010-х гг., в этом направлении движутся большинство стран ОЭСР, многие развивающиеся экономики (включая Бразилию, Индию и Китай) и даже такие законодатели классической промышленной политики, как Япония и Южная Корея [Сморodinская, Малыгин, Катков 2015]. И для России именно это направление дает шанс развития экономики современного типа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

НИУ ВШЭ (2014) Комментарии о государстве и бизнесе № 77: Осторожно, экономика закрывается. 23 августа – 5 сентября.

Оболенский В. П. (2016) Внешняя торговля России: барометр предсказывает бурю // *Мировая экономика и международные отношения*, № 2. С. 15–25.

Российская промышленность на перепутье. Что мешает нашим фирмам стать конкурентоспособными (2007) М.: Изд. дом ВШЭ.

Симачев Ю., Кузык М., Кузнецов Б., Погребняк С. (2014) Россия на пути к новой технологической промышленной политике: среди манящих перспектив и фатальных ловушек // *Форсайт*. № 4. С. 6–23.

Смородинская Н. В. (2015) Глобализированная экономика: от иерархий к сетевому укладу. М.: Институт экономики РАН.

Смородинская Н. В., Малыгин В. Е., Катуков Д. Д. (2017) Глобальные стоимостные цепочки: сетевое устройство и специфика участия национальных экономик // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 55–68.

Смородинская Н. В., Малыгин В. Е., Катуков Д. Д. (2015) Как укрепить конкурентоспособность в условиях глобальных вызовов: кластерный подход. М.: Институт экономики РАН.

Cheng K., Rehman S., Seneviratne D., Zhang S. (2015) Reaping the Benefits from Global Value Chains. IMF Working Papers, WP/15/204.

OECD, WTO (2015) Trade in Value Added: Russian Federation.

WEF (2014) The Global Competitiveness Report 2014–2015. Geneva: World Economic Forum.

WTO (2016) Trade in Value Added and Global Value Chains: Russian Federation.

The Impact of Global Value Chains on National Economic Systems and Emerging Challenges for Russian Economic Policy

*N. SMORODINSKAYA**,

*D. KATUKOV***

***Smorodinskaya Nataliya** – Head of Department for International Competitiveness and Network Interactions, Institute of Economics RAS. Address: 32, Nakhimovskiy Prospekt, Moscow, 117218, Russian Federation. E-mail: smorodinskaya@gmail.com

****Katukov Daniel** – PhD student, Institute of Economics RAS. Address: 32, Nakhimovskiy Prospekt, Moscow, 117218, Russian Federation. E-mail: dkatukov@gmail.com

Abstract

The article studies peculiarities of Russia's participation in global value chains (GVCs) and assesses the capability of Russian economic policy to meet emerging challenges. The article includes two parts. In the first part we analyze features of Russia's participation in GVCs. On the basis of this analysis we draw a conclusion that Russia participates in GVCs in a primitive manner being an exporter of raw materials and importer of industrial goods. We highlight that Russian archaic institutional environment remains the main factor impeding participation of Russian firms in GVCs. In the second part we illustrate main inconsistencies of Russian economic policy with the task of upgrading country's GVCs participation profile. We point out that Russian authorities prefer to stimulate the formation of national value chains in manufacturing sector, which are solely oriented on the internal market.

Keywords: global value chains, fragmentation of production, economic policy, Russia.

REFERENCES

- Cheng K., Rehman S., Seneviratne D., Zhang S. (2015) *Reaping the Benefits from Global Value Chains*. IMF Working Papers, WP/15/204.
- NRU HSE (2014) *Kommentarii o gosudarstve i biznese № 77* [The Review of government and business No. 77], 23 August – 5 September.
- Obolensky V. P. (2016) Vneshniaia torgovlia Rossii: barometr predskazyvaet buriu [Foreign trade of Russia: barometer foretells storm]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 2, pp. 15–25.
- OECD, WTO (2015) Trade in Value Added: Russian Federation.
- Rossiiskaia promyshlennost na pereput'e: Chto meshaet nashim firmam stat konkurentosposobnymi* (2007) [Russian industry at the crossroads: What hinders our firms from becoming competitive]. Moscow: HSE Publishing.
- Simachev Y. V., Kyzuk M., Kuznetsov B., Pogrebnyak E. (2014) Rossiia na puti k novoi tekhnologicheskoi promyshlennoi politike: sredi maniashchikh perspektiv i fatalnykh lovushek [Russia on the path towards a new technology industrial policy: exciting prospects and fatal traps]. *Forsaut*, no. 4, pp. 6–23.
- Smorodinskaya N. V. (2015) *Globalizirovannaia ekonomika: ot ierarhii k setevomu ukladu* [Globalized economy: From hierarchies to a network order]. Moscow: Institut ekonomiki RAN.
- Smorodinskaya N. V., Malygin V. E., Katukov D. D. (2017) Globalnye stoimostnye tepochki: setevoe ustroistvo i spetsifika uchastiia natsionalnykh ekonomik [The network structure of global value chains and specificity of countries' participation in them]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, no. 3, pp. 55–68.
- Smorodinskaya N. V., Malygin V. E., Katukov D. D. (2015) *Kak ukrepit konkurentosposobnost' v usloviakh globalnykh vyzovov: clasternyi podhod* [How to upgrade competitiveness under the global challenges: the cluster approach]. Moscow: Institut ekonomiki RAN.
- WEF (2014) The Global Competitiveness Report 2014–2015, Geneva: World Economic Forum.
- WTO (2016) Trade in Value Added and Global Value Chains: Russian Federation.